

★ Alec Drake ★

Попаданец
СПЕЦОТДЕЛ
★ **НКВД**

Дело №1

Деревня, которой
нет на карте

Alec Drake

**Попаданец. Спецотдел
НКВД. Дело 1: Деревня,
которой нет на карте**

«Автор»

2026

Drake A.

Попаданец. Спецотдел НКВД. Дело 1: Деревня, которой нет на карте / А. Drake — «Автор», 2026

1941 год. Я должен был попасть на фронт, но вместо этого оказался в засекреченном спецотделе НКВД. Здесь расследуют дела, о которых запрещено говорить даже под страхом смерти. Моё первое задание кажется простым: выяснить, что произошло с деревней, исчезнувшей вместе со всеми жителями. На картах её больше нет, документы уничтожены, а единственный выживший утверждает, что ночью видел там мёртвых, которые ходили по улицам. Но чем ближе я подбираюсь к разгадке, тем яснее становится: деревня исчезла не случайно. И то, что скрывается за её границей, уже заметило меня. Дело 1 только начинается.

Содержание

Пролог. Черный ворон	5
Глава 1. Воронка	7
Глава 2. Майор Громов	10
Глава 3. Устав для мёртвых	13
Глава 4. Дело №1: Деревня Волчья Грива	16
Глава 5. Свидетель №1	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Alec Drake

Попаданец. Спецотдел НКВД. Дело 1: Деревня, которой нет на карте

Пролог. Черный ворон

22 июня 1941 года. 04:15. Где-то над Западной Белоруссией.

Небо горело.

Я видел это даже сквозь закрытые веки — оранжевые сполохи, прошивающие темноту изнутри, как кровь под кожей. Гул моторов «Юнкерсов» вливался в черепную коробку, заполняя её свинцом. Где-то ниже, за бортом, умирал рассвет — но не от солнца, а от огня.

— Три минуты! — рявкнул в спину старшина. — Приготовиться!

Двадцать парней в брезентовых комбинезонах поднялись со скамеек. Кто-то крестился, кто-то матерился, кто-то молчал, глядя в пол. Я — лейтенант Игорь Воронов, выпускник разведшколы, двадцать шесть лет, — должен был стать одним из них. Первый боевой вылет. Первый прыжок в тыл врага. Первая настоящая война.

Паращют за спиной казался чужим. Я проверял его трижды, но руки всё равно тянулись — проверить ещё раз. Как будто от этой проверки зависело что-то большее, чем просто раскрытие купола.

— Пошёл! — дверь отъехала в сторону, в лицо ударил ветер.

Я шагнул в бездну.

Падение длилось недолго. Или вечность — тут не разберёшь.

Сначала всё было правильно: ревуший поток воздуха, инстинктивное желание схватиться за что-нибудь, счёт до трёх, рывок вытяжного кольца. Купол должен был раскрыться. Он не раскрылся.

Вместо знакомого хлопка над головой — тишина. Абсолютная, невозможная тишина. Ветер исчез. Моторы исчезли. Даже собственное сердце, казалось, перестало биться.

Я падал в чёрное ничто, и это ничто смотрело на меня в ответ.

Потом — удар.

Не о землю. О что-то твёрдое, холодное, отдающее металлом. Бетон. Я лежал на бетонном полу в полной темноте, и единственным звуком был мой собственный хрип.

— Живой? — голос откуда-то сверху. Спокойный, без эмоций.

— Живой, — выдавил я, пытаюсь подняться.

— Хорошо. Значит, не зря ждали.

Вспыхнул свет. Я зажмурился, потом открыл глаза — и не понял, что вижу.

Комната. Низкий потолок, голые лампы под жестяными абажурами, длинный стол, за которым сидели трое. Форма — НКВД. Но не совсем: ни звёзд на петлицах, ни знаков различия. Просто тёмно-синие гимнастёрки и фуражки без кокард. Перед ними — папка. На папке — гриф. Под грифом — моя фамилия.

— Лейтенант Воронов Игорь Андреевич, — произнёс тот, что сидел в центре. — 1915 года рождения. Разведшкола, ускоренный курс. Направление — Западный фронт. Всё верно?

— Так точно, — ответил я по привычке. — Но где я? Что происходит?

Человек в центре — майор, судя по выправке, — откинулся на спинку стула. Лицо у него было усталое. Не от бессонной ночи — от чего-то более глубокого. От знания.

— Лейтенант, — сказал он тихо. — Вы сейчас находитесь в месте, которого нет. Вы никогда здесь не были. Вы никогда здесь не будете. Всё, что вы увидите и услышите, — государственная тайна. Вы понимаете, что это значит?

— Понимаю.

— Не понимаете. Но поймёте.

Он открыл папку. На первой странице — фотография. Чёрно-белая, размытая. Деревня. Дома, колодец, дорога, уходящая в лес. Ничего особенного. Обычная русская деревня. Только вот на карте её не было. И людей на фотографии тоже не было — хотя дым из труб шёл, и бельё на верёвке сохло, и колёса телеги стояли в грязи.

— Дело №1, — сказал майор. — Деревня Волчья Грива. Исчезла в ночь на 14 августа 1940 года. Вместе с населением. Сорок три человека. Документы уничтожены. Карты исправлены. Единственный выживший — пастух, который утверждает, что видел, как по улицам ходили мёртвые.

Он закрыл папку.

— Ваша задача — выяснить, что произошло. И доложить лично мне. С этого момента вы — сотрудник Спецотдела. Ваше имя — оперативный псевдоним. Ваша жизнь — расходный материал. Ваша смерть — несуществующая.

Майор встал. Подошёл ко мне вплотную. Посмотрел в глаза — долго, изучающе.

— И ещё одно, лейтенант. Тот пастух, которого мы нашли... Он сказал, что перед тем, как всё началось, он видел в небе чёрную птицу. Ворона. Который летел против ветра.

Он помолчал.

— Ваша фамилия — Воронов. Совпадение? Может быть. Но в нашем деле совпадений не бывает.

22 июня 1941 года. 04:17. Настоящее время.

Я проснулся на скамейке в поезде, идущем на запад. За окном — тот же рассвет, те же сполохи на горизонте. Только теперь я знал: это не сон. Это — прошлое, которое ещё не случилось. Или будущее, которое уже произошло.

В кармане гимнастёрки лежала папка. На ней — гриф. Под грифом — дело №1.

А за окном, в утреннем небе, против ветра летел чёрный ворон.

Глава 1. Воронка

22 июня 1941 года. 03:40. Аэродром под Минском.

До войны оставалось двадцать минут.

Я этого ещё не знал. Никто из нас не знал. Мы сидели в тесном бараке, пропахшем керосином и потом, и слушали, как за стеной механики прогревают двигатели «Дугласов». Двадцать парней из разведшколы, выпуск которых ускорили в три раза — потому что на западе что-то назревало, и все это чувствовали, но никто не говорил вслух.

— Воронов! — старшина ткнул меня в плечо. — Ты что, спишь?

— Нет, — соврал я.

Я не спал. Я смотрел на свои руки и пытался вспомнить, как они выглядели вчера. То же лицо, те же пальцы, та же родинка на левом запястье. Всё правильно. Всё на месте. Только вот память — память вела себя странно. Я помнил 1941 год, как будто прожил в нём всю жизнь. Помнил войну, которую мы выиграем. Помнил, что будет с немцами, с нами, со страной. Помнил даже то, чего знать не мог — например, что через сорок лет люди будут носить в карманах маленькие говорящие коробочки.

А ещё я помнил, что сегодня — двадцать второе июня.

И что в четыре утра начнётся ад.

— Приготовиться! — крикнул кто-то снаружи.

Мы высыпали на лётное поле. «Дуглас» уже стоял на взлётной полосе, моторы ревели, винты рубили воздух. Луна висела низко над горизонтом, жёлтая, как глаз. В её свете трава казалась седой.

— Задача — высадка в районе Гродно, — говорил командир группы, молодой капитан с перевязанной рукой. — Разведка, диверсии, координация партизанских отрядов. Оружие, боеприпасы, рация. Всё ясно?

— Так точно, — ответили мы хором.

Я залез в самолёт последним. Уселся у иллюминатора, пристегнул парашют. Внутри было темно, пахло бензином и горячим металлом. Кто-то рядом крестился, кто-то проверял пистолет, кто-то просто смотрел в стену. Я смотрел в иллюминатор.

Если верить истории, — думал я, — через двадцать минут немецкие бомбардировщики начнут бомбить наши аэродромы. Через час — Киев, Минск, Севастополь. Через неделю — падёт Минск. Через месяц — Смоленск. Через три — Москва будет на осадном положении.

Я знаю это. Я могу что-то изменить.

Но как? Кто мне поверит? Лейтенант без роду и племени, выпускник ускоренного курса, без связей, без доказательств? Если я начну говорить о будущем, меня отправят в психушку. Или в трибунал. Или просто к стенке — до войны такие шутки не проходят.

Самолёт оторвался от земли. Внизу поплыли огни аэродрома, потом — тёмная лента шоссе, потом — просто темнота. Мы шли на запад.

Я закрыл глаза.

Прыжок был неудачным с самого начала.

Когда загорелась зелёная лампа, все поднялись. Дверь открылась, в салон ворвался ревущий ветер. Первые пять человек прыгнули один за другим — короткие тени, исчезающие в ночи. Я был шестым.

Шаг. Падение. Холод. Свист в ушах.

Я отсчитал три секунды и дёрнул кольцо.

Ничего.

Парашют не раскрылся. Точнее — раскрылся, но не так. Купол вышел криво, перекрутился, захлестнул стропы. Меня закрутило, потащило в сторону, вниз — быстро, слишком быстро. Земля неслась навстречу чёрной стеной.

Ну вот и всё, — подумал я. — Вот и конец. Странно, что так рано. В 1941-м я должен был погибнуть под Москвой. Или в 1942-м — под Сталинградом. А погибаю сейчас, в первом же прыжке. Какой глупый, бессмысленный конец.

Но перед смертью — это чувство. Как будто что-то тянет меня вниз. Не гравитация. Что-то другое. Что-то живое.

Я не успел додумать. Земля была слишком близко.

И тут — тишина.

Очнулся я на бетонном полу.

Холодном. Твёрдом. Настоящем. Я лежал на спине и смотрел в потолок — низкий, серый, с голыми лампочками под жестяными плафонами. Одна из них мигала, вторая горела ровно, третья была разбита. Вокруг — тишина. Ни ветра, ни моторов, ни выстрелов. Только собственное дыхание и стук сердца.

Я жив.

Эта мысль была первой. Вторая была: где я?

Я попробовал подняться. Получилось со второй попытки. Тело болело, как будто меня били — но ничего не сломано, ничего не порвано. Парашют исчез. Комбинезон — тот же, в котором я прыгал. Пистолет в кобуре. Нож в сапоге. Документы во внутреннем кармане.

Комната была пуста. Ни окон, ни дверей — только одна, в дальнем конце, металлическая, с круглым колесом, как на подводной лодке. Свет шёл откуда-то из щелей, но откуда именно — непонятно.

Я подошёл к двери. Положил руку на колесо.

Оно повернулось само.

За дверью был коридор. Длинный, освещённый теми же мигающими лампами. По обе стороны — двери, одинаковые, серые, без номеров. По полу — кабели, толстые, чёрные, как змеи. В воздухе — запах. Не бензин, не порох, не земля. Что-то другое. Металл, озон, что-то ещё — больничное, стерильное.

Я пошёл вперёд.

Никто не остановил меня. Ни на первом повороте, ни на втором. Коридор изгибался, как кишка, и вёл куда-то вглубь. Иногда я слышал звуки за дверями — голоса, шаги, шорох бумаг. Один раз — что-то похожее на плач. Один раз — что-то похожее на смех.

Где я? Это не фронт. Это не тыл. Это вообще не то место, где я должен быть.

Наконец коридор вывел меня в большую комнату.

Это был зал. Сводчатый потолок, длинный стол, на столе — карты, папки, радиоприёмник. Вдоль стен — шкафы с документами. И люди. Трое. В тёмно-синих гимнастёрках, без знаков различия. Они сидели за столом и смотрели на меня.

Я остановился.

— Лейтенант Воронов, — сказал тот, что сидел в центре. — Наконец-то.

Голос у него был спокойный. Слишком спокойный. Как у человека, который ждал меня здесь. Как у человека, который знал, что я приду.

— Кто вы? — спросил я.

— Майор Громов. Спецотдел НКВД. — Он встал и подошёл ко мне. Высокий, худой, с усталым лицом и глазами, которые видели слишком много. — А вы, лейтенант, теперь работаете на нас.

— На вас? Я не...

— Вы прыгнули с парашютом в 03:58. Купол не раскрылся. Вы должны были разбиться. Но вместо этого оказались здесь. — Он помолчал. — Как вы думаете, почему?

Я не ответил.

— Потому что мы вас ждали, — сказал Громов. — Точнее — ждали кого-то вроде вас. Человека, который не должен был выжить. Человека, который... скажем так, находится не на своём месте.

Он смотрел мне в глаза.

— Вы ведь помните вещи, которых не должны помнить, лейтенант? Будущее? Войну? То, что будет после?

Кровь застыла в жилах.

— Я не понимаю, о чём вы.

— Понимаете. — Громов улыбнулся, но улыбка была холодной. — Не волнуйтесь. Здесь таких, как вы, не сжигают. Здесь их используют. У нас есть работа, которую могут делать только такие люди. Люди, которые видят то, что скрыто. Люди, которые... пришли оттуда, откуда не приходят.

Он вернулся к столу и открыл папку.

— Дело №1, — сказал он. — Деревня Волчья Грива. Исчезла в ночь на 14 августа 1940 года. Сорок три человека. Ни следов, ни тел, ни документов. Только один выживший — пастух, который сейчас находится в психиатрической лечебнице в Минске. Он говорит, что видел мёртвых, которые ходили по улицам.

Майор поднял на меня глаза.

— Это ваше первое задание, лейтенант. Выяснить, что произошло. И доложить лично мне. Вопросы?

Я сглотнул.

— Один. Почему я?

Громов помолчал. Потом сказал:

— Потому что вы уже умерли, лейтенант. В том мире, откуда вы пришли, вас больше нет. Здесь вы — никто. Человек без прошлого. Идеальный сотрудник для отдела, которого не существует.

Он протянул мне папку.

— Добро пожаловать в Спецотдел, товарищ Воронов. Постарайтесь выжить.

Глава 2. Майор Громов

22 июня 1941 года. 05:47. Бункер Спецотдела. Где-то под Минском.

Папка лежала передо мной на столе. Тонкая — страниц двадцать, не больше. Но тяжесть у неё была такая, будто внутри лежал чугунный слиток.

— Откройте, — сказал Громов.

Я открыл.

Первая страница — та самая фотография. Деревня на холме, река внизу, лес стеной. Дома с резными наличниками, колодец с журавлём, дорога, уходящая в никуда. Всё обычное. Ничего страшного. Но от снимка веяло холодом — даже бумага казалась ледяной.

— Снимок сделан 12 августа 1940 года, — сказал Громов. — За два дня до исчезновения. Фотограф — сотрудник НКВД, капитан Синицын. Он числится пропавшим без вести с той же ночи.

Я перевернул страницу. Следующая фотография — та же деревня, но пустая. Дома на месте, а людей нет. Дым из труб не идёт, бельё с верёвки сорвано, телега перевёрнута. И ни одной живой души.

— Это снимок от 15 августа, — пояснил Громов. — Первая группа, прибывшая на место. Они не нашли ничего. Ни тел, ни следов борьбы, ни признаков эвакуации. Только пустые дома и вот это.

Он протянул мне вторую папку. Я открыл. Внутри — фотография колодца. Обычного деревянного колодца с воротом. Только на срубе, прямо по дереву, были вырезаны символы. Не русские буквы, не церковнославянские. Что-то другое. Круги, спирали, линии, пересекающиеся под странными углами. Я смотрел на них, и у меня начинала болеть голова.

— Что это?

— Никто не знает. — Громов сел напротив. — Эти символы появились на колодце за ночь до исчезновения. Их видел пастух. Он же рассказал, что в ту ночь слышал, как из-под земли шёл гул. Как будто что-то проснулось.

Он помолчал.

— А потом над деревней пролетел чёрный ворон. Против ветра.

Я отложил фотографию.

— Вы сказали, что я умер. В том мире, откуда пришёл. Что это значит?

Громов встал. Подошёл к шкафу, достал графин с водой, налил себе стакан. Пил медленно, не глядя на меня.

— Это значит, что вы здесь не первый, — сказал он наконец. — И, вероятно, не последний. Спецотдел существует с 1934 года. Мы занимаемся тем, что не вписывается в обычную картину мира. Аномальные зоны. Необъяснимые исчезновения. Вещи, которые не должны существовать, но существуют. И люди... люди, которые приходят оттуда, откуда не приходят.

— Приходят? — переспросил я. — Откуда?

Громов поставил стакан.

— Вы помните будущее. Войну. То, что будет после. Вы помните, как выглядит мир через восемьдесят лет. — Он посмотрел на меня. — Как вы думаете, сколько таких, как вы, мы находили за последние семь лет?

Я молчал.

— Семеро, — сказал Громов. — Включая вас. Первый появился в 1934-м. Пожилой мужчина, называл себя учителем истории. Говорил, что пришёл из 1991 года. Рассказывал про то, как страна развалится. Мы его... выслушали. Потом он исчез. Второй — в 1936-м. Молодая женщина, врач. Появилась в аномальной зоне под Смоленском. Прожила три дня и умерла. Вскрытие показало, что её внутренние органы были... не нашими. Не человеческими.

Он замолчал. Я ждал продолжения.

— Третий, четвёртый, пятый — все они появлялись в разных местах, в разное время. Каждый из них помнил будущее. Каждый из них умирал в течение месяца. Или исчезал. Или... превращался во что-то другое. — Громов посмотрел на меня. — Вы — шестой. Или седьмой. Мы сбились со счёта.

— И вы хотите, чтобы я работал на вас? Зная, что умру?

— Мы хотим, чтобы вы работали на нас, — поправил Громов. — Потому что вы уже мертвы. В том мире, откуда вы пришли, вас нет. Здесь вы — единственный, кто может видеть то, что скрыто. Вы чувствуете аномалии. Вы видите то, чего не видят другие. Это не проклятие, лейтенант. Это инструмент.

— Инструмент для чего?

— Для защиты страны. — Громов сказал это без пафоса. Просто, как факт. — Война, которая началась сегодня утром, — это не только танки и самолёты. Это ещё и то, что немцы притащили с собой. Их «Аненербе» — общество по изучению древних знаний. Они ищут артефакты. Открывают порталы. Выпускают на свободу то, что должно было оставаться погребённым. Мы — единственный заслон.

Он вернулся к столу и открыл третью папку.

— Ваша легенда. Лейтенант Игорь Андреевич Воронов. 1915 года рождения. Родители умерли в 1920-м от тифа. Воспитывался в детдоме. В 1938-м призван в армию. В 1940-м окончил разведшколу. Направлен в распоряжение Спецотдела. — Он поднял на меня глаза. — Всё это — правда. Или станет правдой. Документы уже готовы. Люди, которые могут подтвердить, — есть. Ваша прежняя жизнь, ваше прежнее имя — всё это теперь не существует.

— Моё прежнее имя?

— Вы помните, как вас звали до того, как вы попали сюда? — спросил Громов.

Я открыл рот — и понял, что не помню.

Не помню, как меня звали в том мире. Не помню лиц родителей. Не помню, где жил. Помню только войну, будущее, факты, даты, события — но не себя. Как будто кто-то стёр личность, оставив только знания.

— Вот видите, — сказал Громов мягко. — Вы уже забыли. Это пройдёт. Или не пройдёт. Но с этого момента вы — лейтенант Воронов. Только так. Иначе — смерть. Или хуже.

— Что может быть хуже?

Громов не ответил. Он подошёл ко мне вплотную и положил руку на плечо.

— Лейтенант, — сказал он тихо. — То, что вы увидите в Волчьей Гриве, изменит вас. То, что вы узнаете, будет преследовать вас до конца. Но если вы справитесь — вы станете первым, кто выжил. Первым, кто не исчез. Первым, кто остался собой.

Он отпустил плечо.

— Вы готовы?

Я посмотрел на папку. На фотографию пустой деревни. На символы на колодце. На чёрного ворона, летящего против ветра.

— Готов, — сказал я.

Громов кивнул.

— Тогда идите. Машина ждёт. Пастух — в Минске, в психиатрической лечебнице. У вас два дня, чтобы выяснить, что он видел. После этого вы отправитесь в Волчью Гриву.

Он протянул мне руку.

— И ещё одно, лейтенант. Что бы вы ни увидели в лечебнице, что бы ни услышали — не верьте своим глазам. Верьте только инстинктам. Потому что в нашем деле глаза лгут чаще, чем люди.

Я пожал его руку. Ладонь у Громова была холодная.

— И последнее, — сказал он, когда я уже шёл к двери. — Если увидите чёрного ворона — бегите. Не оглядывайтесь. Просто бегите.

Я вышел в коридор. За спиной захлопнулась дверь. Где-то в глубине бункера завывала сирена — глухо, как будто под землёй.

А за окном, если бы оно было, начинался первый день войны.

Глава 3. Устав для мёртвых

22 июня 1941 года. 06:20. Бункер Спецотдела. Кабинет инструктажа.

Комната была маленькой. Три на три метра, не больше. Стол, два стула, на стене — карта Советского Союза, утыканная разноцветными флажками. Красные — обычные воинские части. Синие — аномальные зоны. Чёрные — места, где группы пропадали без следа. Таких было много. Слишком много.

За столом сидел человек в очках. Худой, бледный, с чернильными пальцами и глазами, которые не спали, кажется, лет десять. Перед ним лежала стопка бумаг толщиной с кирпич.

— Лейтенант Воронов? — спросил он, не поднимая головы.

— Так точно.

— Садитесь. — Он подвинул мне один из стульев. — Меня зовут капитан Барсуков. Я веду документацию Спецотдела. Ваш инструктаж — моя головная боль на ближайшие два часа.

Я сел. Барсуков снял очки, протёр их платком и посмотрел на меня. Глаза у него были усталые, но острые.

— Лейтенант, — сказал он. — Вы попали в структуру, которой официально не существует. В документах Спецотдел проходит как «Отдел специальных мероприятий при НКВД СССР». Но вы и я знаем, что это ложь. Мы занимаемся не мероприятиями. Мы занимаемся тем, что не должно существовать.

Он открыл первую папку.

— Инструкция номер один. Что делать, если вы столкнулись с необъяснимым явлением. Я приготовился слушать.

— Первое. Не паниковать. — Барсуков говорил монотонно, как учитель, повторяющий материал в сотый раз. — Паника убивает быстрее пули. Второе. Не пытаться понять. Понимание приходит после. Третье. Не вступать в контакт. Четвёртое. Зафиксировать. Записать. Зарисовать. Описать. И пятое — доложить. Всё. Коротко и ясно.

— А если явление агрессивно?

Барсуков посмотрел на меня поверх очков.

— Тогда инструкция номер два. — Он открыл вторую папку. — Огнестрельное оружие. Обычные пули работают не всегда. Иногда работают. Иногда — нет. Серебро? Не помогает. Святая вода? Не помогает. Огонь? Иногда. Взрывчатка? Зависит от того, с чем имеете дело.

— А что помогает?

Он помолчал.

— Никто не знает точно, лейтенант. Мы работаем методом проб и ошибок. Каждый выживший сотрудник — это источник информации. Каждый погибший — тоже. Мы записываем всё. И на основе этих записей составляем... это.

Он похлопал по стопке бумаг.

— Устав для мёртвых. Так его называют в отделе. Потому что все, кто его писал, уже мертвы.

Я сглотнул.

— Продолжайте.

Час спустя я знал больше, чем хотел.

Аномальные зоны. Территории, где законы физики работали не так, как должны. Где время текло вспять или останавливалось. Где пространство сворачивалось в петли. Где люди сходили с ума или превращались во что-то другое. Таких зон на территории СССР было зарегистрировано тридцать четыре. Двадцать одна — под наблюдением. Тринадцать — потеряны. В них никто не входил уже годами.

Нечисть. Существа, которые не должны существовать. Призраки? Не совсем. Мутанты? Не совсем. Что-то среднее. Некоторые были опасны, некоторые — нет. Некоторые — разумны. С последними можно было говорить. Иногда они отвечали. Иногда — лгали. Но чаще всего — исчезали, как только ты пытался их поймать.

Диверсанты из иных миров. Это было самое странное. Оказалось, что через аномальные зоны в наш мир проникают не только существа, но и люди. Или то, что выглядело как люди. Они приходили из других реальностей, других временных линий, других версий истории. Некоторые были враждебны. Некоторые — нет. Но все они что-то знали. Что-то важное.

— Немцы тоже этим занимаются, — сказал Барсуков, перелистывая страницу. — «Ане-нербе». Общество «Наследие предков». Они ищут артефакты по всему миру. Тибет, Африка, Южная Америка. И на нашей территории тоже. Их группы уже пытались проникнуть в аномальные зоны под Ленинградом и Киевом. Мы их остановили. Но это только начало.

— А Волчья Грива? Она тоже аномальная зона?

Барсуков помолчал.

— Волчья Грива — другое, — сказал он тихо. — Это не просто зона. Это... разлом. Место, где граница между мирами тоньше, чем где-либо. Таких мест на Земле немного. И одно из них — там.

Он достал ещё одну папку. На ней не было грифа. Только три буквы, написанные от руки: В.Г.

— Это всё, что у нас есть, — сказал Барсуков. — Двадцать три документа. Двадцать два из них — отчёты групп, которые не вернулись. И один — показания пастуха. Фрола Никитича Кузьмина. Единственного, кто видел Волчью Гриву после исчезновения. И выжил.

Я открыл папку. Первый документ — пожелтевший лист с печатным текстом. Донесение. Короткое, сухое, без эмоций. Только факты. Деревня исчезла. Люди пропали. На месте — ничего. Пустота.

Второй документ. Третий. Четвёртый. Все одинаковые. Разные даты, разные подписи, один результат. Группы уходили в Волчью Гриву и не возвращались.

Я долистал до последнего листа. Показания Фрола Кузьмина. Написанные его рукой — кривым, дрожащим почерком.

«Я пас коров за околицей. Вечером. Солнце садилось. Вдруг стало тихо. Птицы замолчали. Собаки завyli. Я посмотрел на деревню — и увидел, что над колодцем стоит туман. Не туман. Дым. Чёрный дым. Он поднимался в небо, и в нём были лица. Лица людей, которых я знал. Они открывали рты, но не издавали ни звука. А потом над лесом пролетел ворон. Большой. Чёрный. Он летел против ветра. И когда он пролетел над деревней — всё исчезло. Дома, люди, дым. Только пустота. И я остался один. Я не хотел смотреть. Но не мог отвернуться. А потом я услышал голос. Он сказал: "Ты следующий". И я побежал. Бежал всю ночь. Утром меня нашли. Я ничего не помню. Только ворона. И голос.»

Я закрыл папку.

— Что с ним сейчас?

— В лечебнице. В Минске. В отдельной палате. — Барсуков снял очки. — Он не говорит. С тех пор как его привезли, он не сказал ни слова. Только сидит и смотрит в стену. Иногда рисует. Всё время одно и то же.

— Что рисует?

Барсуков протянул мне ещё один лист. На нём — карандашный рисунок. Кривой, детский. Колодец. А над колодцем — птица. Большая, чёрная. С распростёртыми крыльями. И внутри птицы — лицо. Человеческое лицо.

— Это лицо не Кузьмина, — сказал Барсуков. — Мы проверяли. И не кого-то из деревни. Мы не знаем, кто это.

Я смотрел на рисунок, и мне казалось, что лицо внутри птицы смотрит на меня.

— Когда вы едете в Минск? — спросил Барсуков.

— Сегодня.

— Хорошо. — Он встал. — И ещё одно, лейтенант. Бумаги. Вы должны подписать.

Он достал из ящика стола стопку бланков. Толстую. Очень толстую.

— Что это?

— Нормативы. Инструкции. Формы отчётности. Допуски. Соглашения о неразглашении. Завещание. Медицинская карта. Акт о вступлении в должность. Заявка на получение спецсредств. — Он говорил быстро, не глядя на меня. — Всё, что нужно для работы в Спецотделе. Я посмотрел на бумаги. Потом на Барсукова.

— Вы серьёзно?

— Абсолютно, — сказал он без тени улыбки. — Лейтенант, вы попали в советскую бюрократическую систему. Да, мы занимаемся нечистью и аномалиями. Но отчитываемся мы по форме. Каждое убийство призрака — акт. Каждое проникновение в зону — рапорт. Каждое исчезновение сотрудника — отдельное дело. Если вы не подпишете бумаги, вас не будет существовать. Ни в документах, ни в жизни.

Он положил передо мной ручку.

— Добро пожаловать в систему, товарищ лейтенант. Подпишите здесь. И здесь. И здесь.

Я взял ручку. И начал подписывать.

Два часа спустя, когда я закончил, у меня болела рука. Но бумаги были в порядке. Я стал сотрудником Спецотдела официально.

Барсуков собрал документы в папку и запер её в сейф.

— Всё, — сказал он. — Теперь вы — лейтенант Воронов. Полноправный сотрудник. Ваше первое задание — лечебница в Минске. Поговорить с пастухом. Выяснить, что он видел. И не сойти с ума.

— А если он не заговорит?

— Тогда вы будете читать его рисунки, — сказал Барсуков. — И надеяться, что он нарисует что-то полезное. Перед тем как сойти с ума окончательно.

Он протянул мне ключ.

— Машина в гараже. «Эмка». Водитель ждёт. Поезжайте. И лейтенант...

— Да?

— Если увидите ворона — не смотрите ему в глаза. Просто не смотрите.

Я вышел в коридор. За спиной захлопнулась дверь. Где-то в глубине бункера снова завывала сирена — глухо, как будто под землёй.

А над Минском, если бы я мог видеть, уже кружили немецкие самолёты.

Глава 4. Дело №1: Деревня Волчья Грива

22 июня 1941 года. 09:15. Бункер Спецотдела. Архив.

Архив находился на третьем уровне бункера — глубже, чем столовая, глубже, чем кабинеты, глубже, чем всё, что я видел до сих пор. Лифт, скрипя и вздрагивая, опускал меня вниз, и с каждым метром воздух становился тяжелее, холоднее, пропитанный запахом старой бумаги и ржавого железа.

Двери открылись. Передо мной был коридор, освещённый тусклыми лампами, и в конце его — железная дверь с табличкой: АРХИВ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН.

Я толкнул дверь.

Внутри было темно и тесно. Стеллажи уходили вверх, теряясь в полумраке. Папки, коробки, ящики — тысячи, десятки тысяч. Где-то капала вода. Где-то скрипело железо. За столом в углу сидел старик в форме без знаков различия и читал газету. «Правда», вчерашний номер. Заголовок: «Наши войска сдерживают натиск врага на западных границах».

Он поднял на меня глаза.

— Новенький?

— Лейтенант Воронов. По делу №1.

— Волчья Грива, — сказал старик без выражения. — Знаю. Ждал вас.

Он встал, тяжело опираясь на палку, и пошёл вглубь архива. Я последовал за ним. Мы шли долго — мимо бесконечных стеллажей, мимо коробок с надписями «Ленинград-37», «Киев-39», «Смоленск-40». Некоторые коробки были перевязаны чёрной лентой. Другие — опечатаны сургучом. Третьи — просто стояли, покрытые пылью.

Наконец старик остановился у одного из дальних стеллажей. Верхняя полка. На ней — одна-единственная папка. Тонкая. Серая. С грифом «Совершенно секретно».

— Вот, — сказал он. — Дело №1.

Я взял папку. Она была лёгкая — как будто пустая. Но гриф, печати, подписи — всё было на месте. Я открыл.

Внутри лежал один лист.

Я перевернул его. Пусто. Посмотрел на свет — водяные знаки, ничего больше. Перечитал текст. Обычная бюрократическая формулировка. Пустая. Бессмысленная.

— Это всё? — спросил я.

— Всё, — сказал старик. — Остальное уничтожено.

— Кем?

Он посмотрел на меня.

— Вами, — сказал он. — Точнее — теми, кто был до вас. Каждый, кто пытался вести это дело, уничтожал документы. Перед тем как исчезнуть. Или умереть. Или сойти с ума.

Я смотрел на лист. Акт о невозможности установления местонахождения. Деревня, которой нет на карте. Люди, которых нет в списках. Событие, которого не было.

— Почему? — спросил я. — Почему они уничтожали документы?

Старик помолчал. Потом сказал:

— Потому что то, что они находили, было слишком опасным. Не для них. Для других. Для тех, кто мог прочитать. Для тех, кто мог понять. Для тех, кто мог... повторить.

Он подошёл ближе.

— Лейтенант, — сказал он тихо. — Волчья Грива — это не просто деревня. Это место, где что-то произошло. Что-то, что не должно было произойти. И те, кто пытался это расследовать, понимали: если правда выйдет наружу, будет хуже. Гораздо хуже.

— Хуже чего?

— Хуже того, что случилось с деревней.

Он вернулся к своему столу и сел. Взял газету. Но не читал. Смотрел на меня.

— Вы ведь уже видели рисунок пастуха? — спросил он.

— Да.

— И лицо внутри ворона?

— Да.

— Вы знаете, чьё это лицо?

Я покачал головой.

Старик отложил газету.

— Это лицо первого, кто пытался расследовать это дело, — сказал он. — Капитан Синицын. Тот самый фотограф, который снимал деревню за два дня до исчезновения. Он был первым. Он вошёл в Волчью Гриву. И не вышел. Но пастух видел его лицо — внутри ворона. Через неделю после исчезновения.

Я почувствовал, как холод пробирает до костей.

— Что это значит?

— Это значит, что Волчья Грива не убивает, — сказал старик. — Она забирает. Превращает. Делает частью себя. Те, кто туда входит, не умирают. Они становятся... чем-то другим. И иногда — возвращаются. В виде воронов. В виде теней. В виде голосов.

Он замолчал. Потом добавил:

— Пастух видел лицо Синицына. Через неделю после того, как деревня исчезла. Это значит, что Синицын всё ещё там. Внутри. И он пытается выбраться.

Я положил лист обратно в папку.

— Почему вы мне это рассказываете? — спросил я. — Если все документы уничтожены, если все молчат...

— Потому что вы — следующий, — сказал старик просто. — Каждый, кто берётся за это дело, становится частью истории. Вы — седьмой. Или восьмой. Я сбился со счёта. Но вы — первый, кто пришёл сюда по собственной воле. Остальных привозили. Или приводили. Или они появлялись сами — из ниоткуда.

Он встал. Подошёл ко мне. Положил руку на плечо.

— Лейтенант, — сказал он. — Если вы найдёте способ закрыть эту дыру — сделайте это. Если не сможете — хотя бы выживите. И расскажите другим. Чтобы они знали. Чтобы они не ходили туда. Чтобы не стало хуже.

— Хуже?

— Волчья Грива растёт, — сказал старик. — Медленно. Но растёт. Каждый год — на метр. На два. На десять. Сначала это была просто деревня. Потом — поляна. Потом — лес. Сейчас — целый район. А через год — может стать областью. А через десять — страной.

Он отпустил моё плечо.

— Идите, лейтенант. Пастух ждёт. И помните: не смотрите воронам в глаза. И не верьте тому, что они говорят. Они всегда лгут. Даже когда говорят правду.

Я вышел из архива. Папка с одним листом лежала у меня в руках. Тонкая. Лёгкая. Но тяжесть у неё была такая, будто внутри лежала вся Волчья Грива.

А где-то в глубине бункера снова завывала сирена.

Глава 5. Свидетель №1

22 июня 1941 года. 13:40. Минск. Психиатрическая лечебница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.